

точки зрѣнія, писатели весьма давняго времени, напр. — византийскій писатель VI вѣка *Маурикій*: «Такъ какъ между ними царятъ различныя мнѣнія, то они или не соглашаются между собою, или же если... и согласятся, то другіе дѣлаютъ имъ наперекоръ, потому что... никто изъ нихъ не хочетъ послушаться другого... такъ какъ у нихъ много князей и они между собою не согласны, то выгодно нѣкоторыхъ изъ нихъ привлечь на свою сторону... чтобы не соединились всѣ вмѣстѣ и не поступили подъ начальство одного»... ¹⁵⁾).

Наступленіе нѣмцевъ отъ Лабы къ Одрѣ и далѣе на востокъ.

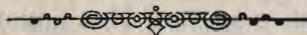
Такъ понимали этотъ вопросъ и нѣмцы, довольно быстро захватившіе славянскія земли между Лабой и Одрою и приступившіе затѣмъ къ захвату славянскихъ же земель между Одрою и Вислою.

Чехи подчиняются нѣмцами.

Попытки нѣкоторыхъ чехо-моравскихъ князей образовать великую славянскую державу, какъ противовѣсь возникавшей «*священной римской имперіи нѣмецкой націи*» ¹⁶⁾, не дали желательнаго, съ славянской точки зрѣнія, результата; мало того, чешское государство вошло въ составъ этой нѣмецкой имперіи, и съ теченіемъ времени чешскій король сдѣлался первымъ ея курфюрстомъ. Чехамъ оставалось только отстаивать свое собственное существованіе.

П. Гейсмансъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁵⁾ См. *Маурикій*. «Тактика и стратегія». Первоисточникъ сочиненій о военномъ искусствѣ императора Льва Философа и Н. Маккиавелли. Съ латинскаго перевелъ капиталь *Цыбышевъ*. Съ нашмъ предисловіемъ. Спб. 1902 г., стр. 182—185. Работъ покойнаго переводчика присущи недостатки, выясненные проф. *Ю. Кулаковскимъ* (см. «Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1903 г., декабрь, 525—533), но все же сю можно пользоваться до тѣхъ поръ, пока не появится лучшей переводъ (съ греческаго текста) этого труда.

¹⁶⁾ Образовавшейся послѣ распаденія «священной римской имперіи» Карла Великаго.

Русскій солдатъ и его служба въ народныхъ воззрѣніяхъ.

Народное творчество и въ текущіе дни великой войны.

(Съ портретами, рисунками, поемами).

Перепечатка воспрещается—законъ 20-го марта 1911 г.

(Продолженіе). *)

II. Рекрутство-новобранство, взгляды семьи—«родоплеменіи» и деревни; родительскіе благословенія и завѣты; благословенія на трезвость; напутствія—прощанія—провоженія; моленія; заговоры.

«Мужикъ—Богу свѣча, Царю—солдатъ».
(Народн. посл.).

Мы остановились на пѣсняхъ былиннаго склада, выражающихъ наиболѣе непосредственно исконно-русскія мысли и чувства, по темѣ настоящей главы (II-й) нашего труда, въ народномъ ритмѣ.

Продолжаемъ.

Одинъ-то былъ у отца—у матери единый сынъ.

Одинъ-то былъ у отца—у матери единый сынъ.

И того-то берутъ, разудаленькаго, въ службу царскую,

По указу его берутъ государеву.

*) См. «В. Сб.» с. г. №№ 2—6, въ № 2-мъ обзоръ всего содержанія труда и источниковъ.

Онъ со вечера-то сталъ, разудалый, кова сѣдлать,
 Ко полуночи сталъ со двора сѣзжать.
 Отець-то и мать его, разудаленькаго, провожать пошли,
 Провожалъ его, разудаленькаго, весь родъ-племя. ¹⁾
 Позади-то его идетъ горюшенька, молода жена,
 Молоду жену, бѣдую лебедушку, уговариваетъ:
 — «Воротись ты, жена, воротись, душа-лебедь бѣлая,
 Впереди-то у насъ все огни горять, огни неугасимые».
 — «Разудалый добрый молодець, меня не обманывай,
 Горить у тебя, у молодца, ретиво сердце».

Какъ по дорожкѣ по широкой.

Какъ по дорожкѣ по широкой,
 Да не столь еще широкой, сколь далекой,
 Идутъ бравые солдаты молодые,
 А за ними идутъ матушки родныя,
 Во слезахъ пути-дороженьки не видятъ,
 Во кручинушкѣ словечка не промолвятъ.
 Какъ разговаряютъ солдаты молодые:
 «Охъ, вы матушки родныя, дорогія!
 Сколь вамъ, матушки, ни плакать—не исплакать
 Вашей горести горючими слезами;
 Сколь вамъ, матушки, ни гнаться—разставаться:
 Не пройти вамъ всю дороженьку за нами». ²⁾

¹⁾ Приведенная запись является наиболее полной и художественной по складу исполненной эпической красоты.

Въ Архангельской губерніи при проходахъ повобранцевъ, запасныхъ и ратниковъ поютъ:

Въ ширину была дорожка не широка,
 Въ долину была московска неизвѣстна.
 Ту шли, прошли солдаты молодые,
 За ними идутъ матушки родныя,
 А позади-то бредутъ жены молодыя
 Во слезахъ пути-дороженьки не видятъ,
 Возрыданье словечка не промолвить.
 Тутъ спроговаряютъ солдаты молодые:
 «Вы не плачьте, наши матушки родныя,
 Не рыдайте, наши жены молодыя,
 Не ведите свѣту русскаго за нами,
 Не стоптать будетъ дороженьки погами,
 Не смочить будетъ сырой земли слезами
 И не наполнить снѣга моря горячими,
 Хотъ наполнить не наполнить частый дождикъ,
 Частый дождикъ быстры рѣчки».

²⁾ Въ печати была дана недавно эта пѣсня въ совершенно особливомъ вариантѣ:

Ясень соколъ съ тепла гнѣзда слетаетъ
 Добрый молодець съ фатеры уѣзжаетъ.
 Не отецъ его, не мать не спровождаютъ:
 Спровождаютъ молодца чужіе люди,
 Чужіе люди сирближенные сосѣди.
 Сирближены снаряжены красны дѣвки...

(«Нов. Вр.»).

Провожала матушка сына на войну.

Провожала матушка сына на войну;
 Слезы ей горькія, что рѣка текутъ.
 — «Не плачь, не плачь, матушка, да радость моя!
 Въ тѣ поры наплачешься—послѣ безъ меня!
 Какъ угонять молодца во ино мѣста,
 Во мѣста далекія—во чужи край,
 Напишу я, матушка, грамотку тебѣ,
 Грамотку бумажную—скоро письмецо.
 Не перомъ чернилами буду я писать,
 А моими горькими горючими слезами:
 Положу во грамотку перстень да портретъ,
 Перстень да портретъ, крестикъ золотой;
 Запечатаю я грамотку да думой крѣпкою:
 Пошлю эту грамотку со скорымъ посломъ,
 Со скорымъ посломъ—да со буйнымъ вѣтромъ.
 Получишь ты, матушка, да эту грамотку,
 Вынь-ка, моя матушка, перстень да портретъ,
 Перстень да портретъ,—крестикъ золотой,
 Крестикъ золотой—крестъ великій твой,
 Перстенецекъ мой—памятка моя.
 На портретъ взглянуть—сына вспомнать:
 Какъ-то онъ былъ добрый молодець».

Ужъ вы, вѣтры буйные, вѣтерочки.

Ужъ вы, вѣтры буйные, вѣтерочки,
 Заливные тонкіе голосочки,
 Не шумите по бору, не играйте,
 Молодую сосенку не качайте!
 Ужъ и такъ-то сосенкѣ, невозможно:
 Не водою сосенку подмываетъ,
 Горюстайка къ сосенкѣ подбѣгаетъ,
 Подбѣдаетъ сосенкѣ корешочки.
 Не плачьте сосенку вѣтерочки,
 Загрустила дѣвица, слезы льются,
 Льются, льются слезыньки, не уймутся.
 — «Ты скажи-ка, дѣвица, что вздыхаешь,
 Отчего на улицѣ не гуляешь?»
 — «Ой, тошнымъ-тошнехонько мнѣ гуляти:
 Взяли друга милаго во солдаты:
 На войну я сокола проводила,
 Проважая плакала, говорила:
 Ты приходи мнѣ вѣсточку дорожую,
 Безъ тебя я, милый другъ, затоскую.
 Не приходитъ вѣсточка дорогая:
 Знать, сразила милаго пуля злая».

Завѣтныя слова.

(Изъ «Пѣсенника» конца XVIII в.).

Надъ Дунаемъ, надъ рѣкою,
Въ бусурманской сторонѣ,
Умирая послѣ бою,
Воинъ молвилъ слово мнѣ:
— «Отнеси, братъ въ край любимый,
Послѣ дружныхъ похоронъ
Челобитьице—р о д и м о й.
И р о д и м о м у—поклонъ!
— А ж е н ѣ?—«Своя ей воля
Стать въ другой разъ подъ вѣнецъ:
Видно, братъ, мой недоля—
И женѣ не мужъ мертвецъ!»
«Вѣсть снеси вдовѣ такую:
Что женать я на другой,
Что съ другою вѣкъ-вѣкую
Я подъ крышей вѣковой;
Что за нею на погостѣ,
Ваялъ я каменный накатъ:
Пуля сватала, а гости
Были пушки, да булатъ».

Пѣснь земскаго ополченца-рекрута. *)

(«Пѣсенникъ» 1812 года).

Ахъ, не ласточка, не ясень соколъ
Вкругъ тепла гнѣзда увиваются;
Увиваются старъ-матѣрный мужъ
Съ женой вѣрною, доброй матерью.
Со хозяйкою домовитою
Вкругъ надежи ихъ—сына милаго:
Онъ идетъ отъ нихъ въ дальнюю сторону.
Опясавшись саблей острою.
Ахъ, не боръ шумить, не рѣка льется—
Обливается горячими слезьми,
Возрыдаючи, молода жена,
Разставаясь съ краснымъ солнышкомъ.
Провожалочи друга милаго:
Онъ идетъ отъ ней въ дальнюю сторону,
Опясавшись саблей острою.
Не труба трубить, и не мѣдъ звѣнитъ—
Раздается рѣчь добра-молодца:
— «Ахъ, тебѣ-ль вадыхать, родной батюшка:

*) Это не пѣсня, а завоенный плачь старинный съ добавленіемъ нѣсколькихъ строкъ (курсивъ); см. плачь у *Е. В. Барсова*—«О рус. народн. пѣснопѣвнѣхъ», стр. 74—75.

Перестань тужить ты, родимая;
Не крушись, не плачь, молода жена,—
Береги себя, сердцу милая!
Ахъ, неужь-ли вы не знаете,
Что на матушку, нашу родину,
Православную землю Русскую,
Идутъ варвары негодные!
Кровожадные, какъ змѣя шипятъ.
Храмы Божіи разорить хотятъ,
Города привести въ запустѣніе,
Села красныя всѣ огнемъ пожечь;
Стариковъ сѣдыхъ всѣхъ мечу предать,
Молодыхъ дѣвницъ всѣхъ въ полонъ побрать.

*Ахъ, неужели вы забыли,
Что за васъ же я и за родину,
За святую Русь православную.
Полечу теперь въ поле ратное?*
Всѣ удалые и могучіе:
Дѣти вѣрныя Царства русскаго,
На врага идти приготовились;
Ужъ осѣдланы кони добрые,
Ужъ отпущены сабли тульскія,
Ужъ отточены конья мѣткія;
Рать усердная лишь приказу ждетъ,
Чтобъ пуститься ей въ путь назначенной.
Я-ль останусь здѣсь, какъ разслабленный?
Ахъ, утѣшьтеся и порадайтесь!
Не наемникъ васъ защищать идетъ:
Не прельстятъ меня яркимъ золотомъ,
Ни каменьями самоцвѣтными:
Не продамъ за нихъ милой родины.
Отца, матери съ молодой женой!
Не ударюсь я во постыдный бѣгъ.
Ни отъ тучи стрѣль, ни отъ поल्या—
Я на все пойду, съ Божьей помощью!
Вы молитесь Спасу Чудному—
Онъ услышитъ насъ и поможетъ намъ,
И рассыплется злые варвары,
*Не осмѣлятся нападать опять;
Уничтожится сила вражія,
И окончатся брани лютыя,
И родимый вашъ возвратится къ вамъ!»*

Вотъ два новѣйшихъ произведенія народнаго творчества въ данномъ направленіи.

Пѣснь русскаго солдата.

(Изъ «Новѣйшаго народнаго пѣсенника», М. 1914 г.).

Моя родина—мать
За тебя умирать
Я иду, тебѣ счастья желая.

Все готовь перенести
Я за родины честь,
За свободу родимаго края.

* * *

Въ этомъ грозномъ бою
Свою кровь я пролью...
Но словивши врага-супостата.
Пусть умру я, любя,
Защищая тебя,—
Въ этомъ подвигъ великій солдата.

18-тилѣтній парень, крестьянинъ Тумановъ (дер. Вассакара, Ямбургскаго уѣзда Петроградской губ.), прощаясь со своимъ однопоручикомъ-товарищемъ Иваномъ Демидовымъ, призваннымъ при началѣ нынѣшней войны, вручилъ ему слѣдующіе замѣчательные стихи-заветы, замѣчательные и по мысли, и по настроенію, но непритязательные въ поэтическомъ отношеніи.

На память товарищу Ванѣ.

Ваня, другъ любезный, слушай мой совѣтъ,
Онъ тебѣ полезный, въ немъ художя нѣтъ.
Ты теперь ужъ воинъ нашего Царя.
Защищать достоинъ сушу и моря,
Землю, Русь родную, вѣру во Христа
И страну родную знаменемъ креста.
Въ службу ты вступаешь, насъ не забывай,
Грамотѣ ты знаешь, письма посылай.
Воинство Цареву любить самъ Христосъ.
Въ храмахъ это слово слышитъ весь народъ.
Можетъ быть случится, Царь войска пошлетъ,
Чтобъ съ врагомъ сразиться, ты пойдешь въ походъ;
Храбро тамъ сражайся, силы не жалѣй,
Пулей бить старайся и колотъ штыкомъ.
Можетъ Богъ поможетъ скоро бой окончить дасть,
Царь тогда прославитъ всѣхъ съ побѣдой васъ.
Царь спасибо скажетъ славнымъ вамъ бойцамъ,
Назоветъ тогда же: „Дѣти молодцы!“
И за Русь святую Царь идти велитъ,
И про Русь святую слава загремитъ.
И въ страну родную прилетитъ орломъ,
И въ свое семейство, и въ родной свой домъ.
А придешь въ деревню,—всѣ рады принять.
Я-жъ теби въ восторгъ брошусь обнимать.
А теперь прощай, мой Ваня, дорогой дружокъ,
Богъ дасть, увижусь, часъ тебѣ святой!

(„Нов. Вр.“).

Строфы непосредственныя, но глубокия по значенію, какъ предопредѣляющія современный народный взглядъ, въ строгомъ соотвѣтствіи послѣдняго съ древле-русскимъ, съ которымъ мы познакомились въ предшествующей главѣ.

Если не самой любимой, то самой распространенной въ народѣ въ наше время является «Пѣснь рекрута» или:

Послѣдній нонѣшній денечекъ...

Послѣдній нонѣшній денечекъ
Гуляю съ вами я, друзья,
А завтра рано, чуть свѣточекъ,
Заплачетъ вся моя семья.
Заплачутъ мать и мои сестры,
Заплачутъ братъ и мой отецъ.
Иди въ солдаты выпаль жребій,
И вольнымъ днямъ пришелъ конецъ.
Еще заплачетъ дорогая,
Съ которой три года гулялъ.
Вести къ вѣнцу ее собрался,
Любить до гроба общался.
Телѣга быстро подкатила
Около дома моего;
Въ телѣгѣ старшіе кричали:
„Готовьте сына своего“.
Крестьянскій сынъ давно готовый,—
Семья вся замятво лежитъ;
Помчусь теперь я къ жизни новой—
Царю, отечеству служить.

Эта пѣснь встрѣчается чуть ли не во всѣхъ пѣсенникахъ и образно запечатлѣна въ лубочныхъ (народныхъ) картинкахъ въ нѣсколькихъ вариантахъ. Перешла она и на театральные подмостки и распѣвается въ разныхъ «кабаре» и подвальныхъ музыкальныхъ уголкахъ «художниковъ», запечатлѣвается въ журнальныхъ иллюстраціяхъ.

Обратимся теперь къ уясненію того, что хранитъ народная память изъ «свичаевъ-обычаевъ» стародавнихъ, что соблюдается въ обрядахъ и что сказывается въ причетяхъ по проводамъ солдатъ на службу ратную-государеву при тѣхъ обрядахъ.

Въ послѣднія десятилѣтія установилось мнѣніе, что съ введеніемъ общей воинской повинности—съ 1874 года—старинные «плачи» рекрутскіе—солдатскіе со стороны воиновъ и близкихъ имъ лицъ и «мира» деревенскаго, иначе говоря—народныя

причитанія (причети) вывелись изъ народной жизни, обихода, такъ какъ условія призыва (набора) на военную службу и условія самой службы въ корни измѣнились, устранивъ тѣмъ всѣ поводы къ плачамъ; къ тому же, если не во всемъ, то во многомъ преобразовался и укладъ народной жизни, и, якобы, новшества быта и взглядовъ замѣнили въ народной памяти старины-обычаи, изъ коихъ многимъ и начала не сыскать. Теперь нѣтъ и быть не можетъ другихъ причитаній, кромѣ обыкновеннаго «горя-разставанія», но кратковременнаго и при томъ еще сокращаемаго правомъ отпуска солдата «на побывку» домой. Деревня знаетъ: «ночь служба небольшая» — не долгая.

Однако, оказывается, что на сѣверѣ, этомъ великомъ хранителѣ нашей былинной эпопеи, въ земледѣльческихъ уѣздахъ Пермской губерніи, да и въ нѣкоторыхъ другихъ нашихъ уголкахъ поглуше, такъ сказать — постепеннѣе, отъ старины сохранились и донинѣ строго неизмѣнно выполняются обрядовыя (въ дѣйствіи и словѣ) причитанія при отправленіи солдата на службу вообще и по мобилизации, т. е. не только на очередную службу (въ мирное время) по призыву, но и на войну (sic), по мобилизации.

Причети сказываются и ряды обрядовъ совершаются не только семьей солдата, но почти всей деревней и нарочно приглашаемыми старушками-причитальщицами (вопленицами); послѣднія являются въ роли хранительницъ порядка обрядностей и потому свѣдущими истолковательницами народныхъ думъ и чувствъ, преданій-завѣтовъ старины глубокой. Самыя причитанія — это заунывные, монотонные, речитативные *плачи-тѣснопѣнія*, въ которыхъ непосредственно изливаются народныя переживанія.

Причитальщица руководитъ причитаніями всѣхъ присутствующихъ, подсказываетъ слова «плачей» и причитываетъ то, что по уставу — памяти полагается съ ея стороны; при этомъ причети старушки имѣютъ болѣе общій пояснительный, освѣдомительный для окружающихъ характеръ; онѣ, такъ сказать, подчеркиваютъ уже прошедшіе моменты обряднаго ритуала и намѣчаютъ, освѣщаютъ послѣдующіе. Формы и приемы причитаній излагаются заученной размѣренной стихотворною рѣчью, однако, это нисколько не ослабляетъ ни искренности изліяній, ни задушевности-горячности настроенія окружающихъ.

Формулы (содержаніе) всѣхъ этихъ обрядовъ и причитаній-сказаній суть наслѣдіе лѣтъ минувшихъ по неуклонно соблюдаемому древнему обрядовому ритуалу-уставу.

Съ этимъ великимъ истинно-русскимъ наслѣдіемъ ознакомилъ науку и общество Ив. Ив. Лукьяновъ въ нѣсколькихъ трудахъ, вышедшихъ въ періодъ текущей войны, и, между прочимъ, въ брошюрѣ: «Обрядовыя причитанія при проводахъ солдатъ на войну» (по записямъ и личнымъ наблюденіямъ) [Петроградъ. 1914]. *)

Народное творчество, создавшее всѣ обряды — причети, затрагиваетъ чувства высокой глубокой любви къ семьѣ и родинѣ и къ предстоящему для солдата долгу службы и вмѣстѣ съ тѣмъ оно чаруетъ своей непосредственностью и опоэтизировываетъ лучшіе, чистѣйшіе порывы челоуѣка.

Въ обрядахъ и причетяхъ ярко обрисовываются душевныя качества русскаго солдата и сердечность и сознательное самоотреченіе русской женщины — матери и жены. Съ этой точки зрѣнія данныя, приводимыя И. И. Ульяновымъ, являются цѣнными показателями духа — мощи русскаго народа, поскольку таковыя сохранились въ своемъ, можно сказать, непочатомъ (не тронутомъ городомъ) древнемъ складѣ на сѣверѣ.

Справедливость требуетъ замѣтить, что, впрочемъ, упомянутыя высокодуховныя качества русскихъ солдатъ и женщины выявляются въ Россіи повсемѣстно, но сѣверъ сохранилъ намъ эти *выявленія* русской души наиболѣе образно-колоритно по формѣ и въ нерушимо эпическомъ и къ тому же послѣдовательномъ укладѣ, невольнo переносащемъ воображеніе въ глубь вѣковъ.

Такъ, къ примѣру, можно привести подпись изъ-подъ одной народной *любочной* картинки — завѣтъ матери-крестьянки молодцу-сыну рекруту; картинка эта не сѣверная, а московская — изъ сердца Россіи.

Долгъ зоветь тебя святой
Послужить землѣ родной.
Ты мой сынъ, но у тебя
Есть другая мать, мильо,
Драгоценнѣе, роднѣе,
Наша Русская земля.
Жизнь твою, твои всѣ силы,
Всю любовь и все что мило,
Ты неси на жертву ей,
Доброй матери твоей... 5)

Какой подъемъ духа, какое самоотреченіе!?

*) Назовемъ здѣсь же и другія брошюры И. И. Лукьянова, вышедшія въ 1915 году: «Материнскія заповѣданія» (изъ матеріаловъ, лично собранныхъ на войнѣ) [Пгр.]; «Войнѣ и Русская женщина въ обрядовыхъ причитаніяхъ нашихъ сѣверныхъ губерній» [Пгр.], — болѣе распространенное изложеніе уже упомянутой въ текстѣ брошюры «Обрядовыя причитанія и т. д.»; «Клятвенныя обѣщанія въ окопахъ» (изъ матеріаловъ, лично собранныхъ) [Пгр.].

5) Картинка литографіи Морозова (М. 1854 г.).

Записи г. Ульянова приводимъ въ краткомъ, но послѣдовательномъ пересказѣ. ⁶⁾

«Послѣднее утро» солдата въ отчемъ домѣ начинается *особой для сею молитвой*, въ которой воинъ испрашиваетъ у Господа Бога и у святыхъ его угодниковъ себѣ благословеніе:

Послужить Царю Всероссійскому,
Постоять за вѣру христіанскую,
Защищать нашу Русь подселенную.

Еще просится сохраненіе отъ напрасной смерти и о возвращеніи на «луги зеленые», къ вскармленію родителей и малыхъ дѣтушекъ.

Спустя нѣкоторое время солдатъ отправляется въ «баню парную», заговоренную знахаркой, гдѣ и оmyвается отъ «урокъ и призовъ, великой кручины, печали, скуки» — по всему роду-племени и родимой сторонущѣ.

«Вся баня заговаривается и заграждается (sic) силою животворящаго креста, отъ котораго *таетъ* вражья сила, «яко воскъ отъ лица огня»; заговорены старушкой и вѣникъ, и мыло, и песочекъ въ водѣ, и все, съ чѣмъ соприкасается обмывающійся для новой жизни — «на службѣ Государевой» — воинъ.

Послѣ бани, какъ то обычно и полагается, бываетъ чаепитіе въ кругу родныхъ и близкихъ, причемъ выпивается рюмка вина съ наговоромъ: «отъ всякихъ золъ и напастей: отъ тоски тоскучей, отъ горя горячаго, отъ болѣзней, ранъ и напрасной смерти».

Наступаетъ причитаніе матери — «неизмѣнной горюшницы» «о своемъ-то родномъ дитяткѣ»...

Станьте очи, да не мутитесь,
Мои слезы да не бѣгите
Лицо бѣло да не мочите...

Мать причитаетъ:

.....
Ты роженое, мое дитятко,
Ты попомни родъ-племя любимое,
Да велики обѣты отцовскіе;
Ты молися же Богу Господу

⁶⁾ См. нашъ отчетъ о книгѣ *И. И. Ульянова* въ «Рус. Инв.» 1914 г. № 247 — «Ты прости, вся родная сторонущка...».

Въ городахъ-то да во дальнихъ
Во земляхъ-то да украинныхъ
Во полкахъ-то да во солдатскихъ.
Ты служи-ка да вѣрой-правдою
Государю да Царю Бѣлому:

.....
Ты пиши-ко намъ письма-грамотки
На родимую на сторонушку
Съ великаго поля ратнаго...

.....
Я куплю пелену Богородицѣ
И рублеву свѣчу воску яраго
Я Миколѣ Многомилостивому
И Михайлу Господню Архангелу:
Да хранить тебѣ сила небесная —
Отъ копьевъ, штыковъ, саблей вострыхъ,
Отъ огня хранить она палацаго;
И отъ пули, стрѣлы да летящія
И отъ страха (sic) и отъ смерти напрасныя... ⁷⁾

Далѣ слѣдуютъ причитанія жены, крестной матери, тетокъ, сестеръ, выражающія, «какъ любили и хвалили» всѣ отбѣзжающаго — «красотой красиваго, ростомъ росляннаго, кроткаго и смиреннаго» и пр.

Въ заключеніе чаепитія выступаетъ старушка-причитальщица, объясняющая высокую цѣль призванія солдата на войну:

«Ужъ какъ въ нынѣшнюю пору-времячко
Сочинилась, да объявилася
Служба грозная Государева.
Взволновался и ополчается
Непріятель на Русь православную,
На Царя—бога на російскаго,
На Царицу мать милосердную,
На наслѣдство все правотѣрно»...

Обращаясь далѣ къ самому солдату, старушка говоритъ: «ты послужилъ да вѣрой-правдою Государю да Царю Бѣлому, ты спасать будешь Русь православную».

Воинъ, полагая, что — «ему знать судьба такова», «на роду, видно, служба написана», запрещаетъ тосковать своему сердцу и причитальщица *отъ его имени* говорить:

⁷⁾ По свидѣтельству И. И. Ульянова, матери солдата при проводахъ сыновей на войну даютъ имъ при особыхъ обрядахъ, сопровождаемыхъ причитаніями и молитвами, разные предметы: иконки на шею, родную землю и родной хлѣбъ въ узелочкахъ, молитвы и заговоры, письма-благословенія и т. п. («Материнскія заповѣданія», стр. 4).

Не тоскуй, молодецко сердечушко,
Не горюй, молодецка утробушка...

И затѣмъ старушка утѣшаетъ мать:

Не тоскуй, ты, родимая матушка,
Да не плачь же слезами горючими,
Не дай-то печали сердечушку...

«Весьма характерно,—замѣчаетъ И. И. Ульяновъ,—что старушка-причитальщица, эта народная жрица-хранительница преданій и завѣтовъ отеческихъ, называетъ русскаго Монарха «Царемъ—богомъ россійскимъ, а Царицу—«матерью милосердной». Во многихъ причитаніяхъ съвера, гдѣ упоминается русская Царская чета, она всегда мыслится съ святѣйшими движеніями добра, правды и милости.

Примѣчательно обращеніе плакальщицы *отъ имени солдата* къ другимъ «старушкамъ»:

Помолитесь, старушки древнія,
Чтобы меня Господь-Свѣтъ да помиловалъ,
Возвратилъ на родиму сторонушку
Меня пахаремъ (sic) въ чистое полюшко,
Съянокосцемъ на луги зеленые,
Да сѣнцомъ на распашисты полосы,
Воскормителемъ малымъ дѣтушкамъ,
Въ утѣшенье желаннымъ родителямъ...

Около полудня служится молебень въ церкви, за которымъ слѣдуетъ напутствіе батюшки-священника.

Совершается молитва горячая, чтобы въ ратной жизни Господь Владыко-Свѣтъ помиловалъ, Пресвятая Богородица заступилась и сохранила «Микола многомилостивый». За молебномъ горящія свѣчи и привезенная пелена—жертва Богородицъ—какъ бы символизируютъ возможную на войнѣ смерть воину.

Солдаты въ сопровожденіи близкихъ ему мужчинъ-товарищей объѣзжаютъ село въ нѣсколько круговъ, и въ это время окружающіе его поютъ унылыя пѣсни; друзья опасаются, чтобы въ будущемъ «мѣткая винтовка» врага не сразила молодца и «кровь его горяча» не пролилась «быстрымъ ручейкомъ».

Л. В. Евдокимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Перепосъ пловцомъ черезъ рѣку веревки отъ конца паромнаго каната.

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОГО ПЛАВАНІЯ.

(Окончаніе). *)

ПРОГРАММА ВОЕННОГО ПЛАВАНІЯ.

V. Приученіе къ продолжительному купанью, въ холодной водѣ и всякой погодѣ во время купаній. Мокрая одежда и ея сушка.

Многія руководства спортивнаго плаванія, снисходя къ надобностямъ иныхъ житейскихъ практикъ, говорятъ, что спортсменъ-пловецъ долженъ приучить себя плавать во всякой водѣ, даже ледяной, избавляя тѣмъ себя отъ судорогъ, простудъ. Моряки, въ виду возможности катастрофъ съ долгимъ ожиданіемъ помощи, давно тренируются во всемъ свѣтѣ долго держаться на водѣ и на всякой температуры водѣ.

*) См. «Военный Сборникъ» № 6, 1916 г.